

И.В. Проневская, канд. соц. наук, ст.н.с. кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ФАМИЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ ПОДХОДЫ

Фамилистическая социология, определяемая как семьецентристская, в противовес теорий индивидуального типа применяет как традиционные количественные методы, так и чрезвычайно востребованные современной наукой качественные процедуры. Фамилистические исследования дают возможность максимально использовать преимущества обеих методик при изучении социальной сути семьи по роли и функциям, выполняемым в обществе, при анализе динамики семейных структур и их социальных последствий. Качественная методика обогащает социологические исследования макропроцессов и проблем функционирования институтов.

Ключевые слова: социология семьи, семейная структура, семейные роли, фамилистика, фамилистические исследования, макро- и микроуровень анализа, символический интеракционизм, феноменология, структурный функционализм, теория конфликта, количественные методы, контент-анализ, качественные методы.

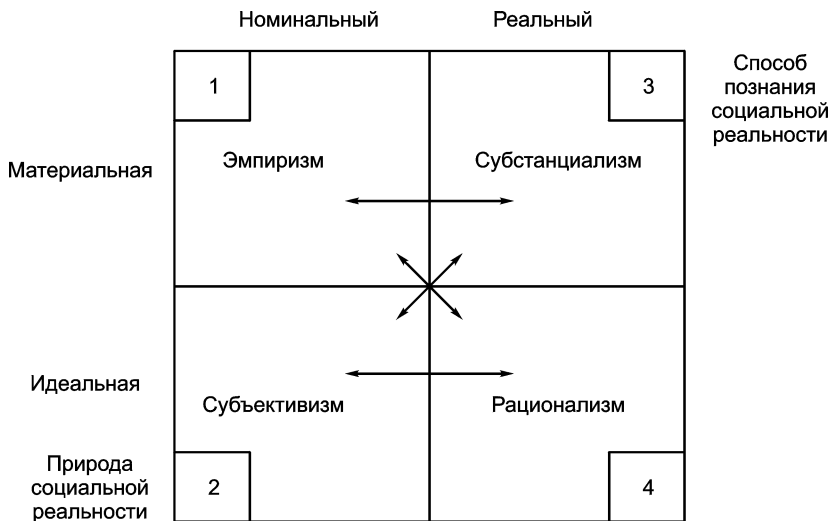
The familistic sociology, which is opposed to individualistic theories, uses both traditional quantitative methods and qualitative methods, highly demanded in modern science. Familistic researches allow the effective usage of the advantages of both methods, be it the study of social essence of the family, its roles and social functions, or the analysis of dynamics of family structures and its social consequences. Qualitative techniques enrich sociological researches of social macro processes and functioning of social institutions.

Key words: sociology of the family, family structure, family roles, familism, familistic researches, macro and micro levels of analysis, symbolic interactionism, phenomenology, structural functionalism, conflict theory, quantitative research techniques, content analysis, qualitative research techniques.

Развитие социологической науки, развитие и изменение ее методологии — процессы взаимообусловленные. Все большая специализация исследований и выделение новых специализированных областей социологического знания (социология литературы — социология языка, социология медицины — социология тела — социология смерти, социология семьи — гендерная социология и т.д.) привели к появлению научных сообществ, создающих свою собственную “изолированную” сферу и разрабатывающих собственные методы и стили исследования. В настоящий момент

* Проневская Ирина Владимировна, e-mail: antonov_ai_@mail.ru

в отечественной социологии можно выделить свыше сорока отраслевых направлений¹. Процесс дробления на все более увеличивающееся число школ и направлений зашел настолько далеко, что социологи вынуждены тратить больше времени на внутренние дебаты и попытки консолидации, чем на конструктивное обсуждение конкурирующих концепций. Аналогичная ситуация наблюдалась в зарубежной социологии, но значительно раньше. Структуралисты, феноменологи, этнометодологи, представители теории действия, символические интеракционисты, функционалисты и марксисты делились на все большее число новых направлений и школ. Например, появились этнометодологи, которые не могут понять друг друга, не говоря уже о том, чтобы вступить в коммуникацию с представителями теории действия или структуралистами². Структурированная совокупность возможных представлений о природе социальной реальности и возможных видах отношения к ней социологической теории, представленная в диаграмме, является демонстрацией этого разнообразия. Понятно, что предложенные стратегии не существуют изолированно друг от друга. Взаимное притяжение различных полей изображено стрелками.

Структура теоретизирования: четыре стратегии (Jonson T., Dandeker C., Ashworth K. *Theoretical Sociology: The Conditions of Fragmentation and Unity*. L., 1984)

¹ См.: Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т. 1: Методология и история. М., 2000.

² THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., 1993. С. 84.

1 — *эмпиризм*. В рамках данного направления человеческую деятельность понимают как наблюдаемое поведение, имеющее место в наблюдаемых материальных условиях среды и организма. Наблюдать — значит видеть мир таким, каким он отражается в чувствах наблюдателя (генетическая социология).

2 — *субъективизм*. В субъективизме исследователь занят интерпретацией “происходящего”. Социальный мир — продукт интерпретационной деятельности индивидуальных действующих объектов. Наука также должна стремиться к воспроизведению интерпретаций социальной реальности действующим субъектом (символический интеракционизм, феноменология, этнометодология).

3 — *субстанциализм*. В субстанциализме социальный мир понимается как материальная структура отношений, недоступная непосредственному наблюдению (структурный функционализм, теория конфликта, фамилистика).

4 — *рационализм*. Общество в рационализме — объективная и ограничительная структура идей. Рационалисты считают, что идеи и смыслы не являются достоянием индивидов, они находятся за пределами всякого индивидуального сознания. Идеи устанавливают пределы и возможности осмысленного действия субъектов (теория ролей).

В то же время наблюдается некоторая неопределенность в том разделе социологического знания, который считался незыблемым. Это вопрос о предмете науки. Гуманизация социологического знания связана со все более возрастающим интересом к человеку, т.е. рождается “такая концепция социологии, которая существенным образом принадлежит человеческой природе”³.

Однако социология, даже в самом кратком определении, — наука об обществе. Более распространено — это совокупность основных понятий и проблем, при помощи которых описывается социальная реальность и которые выступают темами эмпирических исследований. Если же детально анализировать данный факт, то предмет социологии определяется на трех уровнях обобщения — всеобщем, частном и единичном. На всеобщем уровне социология — это наука об обществе. На частном — наука о поведении людей как представителей больших социальных групп и функционировании социальных институтов. При расшифровке частного определения социальных групп и институтов предмет социологии выявляется как взаимосвязанная система основных понятий. На единичном уровне мы получаем очень широкое определение социологии как совокупности всех тем эмпирических исследований⁴.

³ Личностно-ориентированная социология. М., 2004. С. 27.

⁴ См.: Добреньков В.И., Кравченко А.И. Указ. соч. С. 79.

Очевидно, что ни в одной из трактовок индивид не является предметом науки. Вместе с тем феноменологическая, этнометодологическая и интеракционистская теории, которые можно определить как субъективистские, рассматривают в качестве предмета анализа именно личностные, сугубо индивидуальные интерпретации. Этим и аналогичным “лично ориентрированным” социологическим теориям противостоит альтернативная социология семьи, рассматривающая семью как исходный элемент общества.

Альтернативный, *фамилистический* (на рисунке это третье поле — “субстанциализм”) подход можно определить как семьецентристский, устанавливающий в качестве исходного первоэлемента именно семью, а не индивида. Фамилистика ставит семью в центр социального мира. Важным моментом в изучении семьи в данном случае является соединение институционального и группового подходов, функционирование семьи на макро- и микроуровне. Попытка объединить исследование семьи как института и как малой группы представлена в работах американского социолога Р. Хилла, который предлагает пять подходов, сочетающих эти два уровня: 1) институционально-исторический (эволюционизм), 2) структурно-функциональный, 3) интеракционистско-ролевой анализ (символический интеракционизм), 4) ситуационно-психологический, 5) дивелопменталистский (основанный на жизненном цикле семьи).

С помощью первых двух подходов осуществляется анализ функций семьи и динамики семейных структур. Три последних подхода (это микроуровень) сводятся к теории социального поведения личности и групп⁵.

Таким образом, фамилистические исследования, осуществляемые в рамках социологии семьи, должны проводиться с учетом обозначенных ниже проблем.

Во-первых, фрагментация социологического знания привела к тому, что многие отраслевые направления (социология организаций, гендерная социология, социология молодежи, социология здоровья и пр.) часто в качестве объекта исследования останавливаются именно на семье. Следовательно, в рамках основных теоретических подходов (структурный функционализм, символический интеракционизм и т.д.) должна быть представлена отраслевая специфика фамилистических исследований.

Во-вторых, разночтения в предмете социологического знания требуют особого акцента на том, что главным в социологии семьи является не индивид, а сама семья как группа или как институт. Изучается не отдельный индивидуальный вектор жизнедеятельности, а суммарный семейный вектор. Семья представляет собой не

⁵ Социология семьи: Учебник / Под ред. А.И. Антонова. М., 2007. С. 90.

различное количество Я, а единое целое Мы. То, каким образом, эгоистичное Я начинает подчиняться коллективному семейному интересу, что заставляет человека забыть о своих потребностях и переключиться на наши, что представляют собой семейные потребности и ценности, — эти вопросы интересуют социологию семьи⁶.

В-третьих, необходимо соединять институциональный и групповой подходы при анализе семьи.

Все указанные моменты связаны с решением методологической дилеммы: какую исследовательскую стратегию выбрать — количественную или качественную? Существующее разделение социологических методов исследования на количественные и качественные, на вероятно-статистические и повествовательные неплодотворно. Количественные методы не просто оперируют единицами счета: за числами и операциями над ними стоят качественные феномены. Размер семьи и число детей в ней не просто математическая сумма элементов, это исследование интегральных показателей всего образа жизни семьи и нации.

Качественные исследования предполагают выделение смысловых блоков в единицах текста. К примеру, большинство исследователей, анализируя гендерный дискурс “Крейцеровой сонаты” Л.Н. Толстого, обращают основное внимание на общественную конструкцию любви, на пропаганду революционных норм поведения, квинтэссенцией которых является половое воздержание, на проблемы гендерной социализации, которая ведет к деформации психики, и т.д. Эти выводы строятся на качественном анализе самого проблемного произведения русской классики. Авторы предлагают свою интерпретацию, основанную на личной оценке творческого и биографического пути писателя и на своем личном видении текста. Однако самое простое использование контент-анализа с подсчетом количества единиц, имеющих отношение к различным тематикам, доказывает, что основное содержание “Крейцеровой сонаты” посвящено не проблемам взаимоотношения полов и несчастной любви, а семье. Статистика произведения такова, что гендерной тематике посвящено 267 единиц текста, любовной тематике — 67, проблемам абстинентного и сексуального поведения — 14 единиц и 2 монолога. Семейной же тематике посвящено 328 единиц текста, в том числе браку (количество употреблений слова “брак”) — 139, супружеству (“семья”, “жена”, “супруги”, “свадьба” и пр. слова) — 139; родительству — 103, в том числе детям/ребенку — 83, родителям — 5, беременности, кормлению грудью — 15; родству — 56, в том числе отцу (отцам) — 6, матери (матерям) — 19, сыну (сыновьям) — 3, дочери (дочерям) — 6,

⁶ Там же. С. 640.

брату (братьям) — 6, сестре (сестрам) — 13, дяде — 1, свояченице — 1, внуку — 1.

Цифры достаточно убедительны и подтверждают слова русского философа В. Розанова, сказанные о рассматриваемом произведении Л.Н. Толстого: «“Крейцерова соната” имеет два смысла: тайный и явный, явный ее смысл кажется направленным против брака. Тайная мысль “Сонаты” в том, что вся она состоит в утверждении брака, но с глубоким недоумением: что же он такое?»⁷

Этот пример демонстрирует стремление понизить ценность количественных исследований за счет повышения роли качественных, что связано с попытками придать статус научности тем повествовательным описаниям, которые не удовлетворяют требованиям обоснованности. Однако именно качественный анализ оценочных суждений действующих героев произведения дает возможность более детально проследить жизненный цикл молодой семьи от момента возникновения до катастрофической развязки.

Традиционное и достаточно искусственное разделение социологических методов на два враждующих лагеря непродуктивно. Их взаимодополняемость очевидна. В этой ситуации взаимодополняемости методик нет смысла определять “самый методологический” метод. В данном случае хотелось бы более подробно остановиться именно на этой характеристике количественных и качественных стратегий.

Бурное развитие качественных исследований в последние годы явилось результатом критики позитивистского и статистико-математических способов изучения факторов и динамики социальных процессов. Высказывается точка зрения, что обращение к социальному микромиру требует особых инструментов глубинного анализа индивидуального. Растущий интерес к качественным методам объясняется также мнением общественности относительно будущего социологии. Сегодня, в эпоху глобализации, ориентация на глобальные проблемы существования “мировой системы” является определяющей, поскольку социальный мир все больше унифицируется. Локально-этнические противоречия, значительно обострившиеся в современном мире, обязывают социологию концентрироваться на микроанализе социально-культурных противоречий и переходить к пониманию специфики каждодневной социальной практики людей — от макро- к микроанализу социальных явлений.

В то же время сегодня социология, особенно социология семьи, незаслуженно забыла об одном из старейших методов, имеющих богатое прошлое и, без сомнения, перспективное будущее. Речь идет о контент-анализе. С развитием науки этот метод изменялся,

⁷ Русский эрос или философия любви в России. М., 1991. С. 122.

начиная от нахождения определенных признаков и свойств в тексте с последующей статистической обработкой и вплоть до комплекса исследовательских действий по интерпретации результатов формализационных процедур. Данный метод остается в большой степени формализованным, что “отпугивает” исследователей. Хотя именно эта строгость делает исследовательские выводы объективными и выгодно отличает их от повествовательных отчетов качественных исследований, которые зависят от мировоззрения и личного опыта ученого. Думается, что задача социолога как раз и состоит в том, чтобы изучать проблему “на расстоянии”. Личный жизненный опыт, который был бы связан с проблемой, не всегда обязателен. Вряд ли изучающему полигамные формы брака необходимо иметь собственный гарем.

Сопоставление методологических возможностей количественных и качественных процедур интересно проиллюстрировать на примере некоторых этапов социологического исследования.

“Качественники” ссылаются на то, что субъективистский подход существенно меняет не только фокус интереса, способы познания, но и весь “стиль” социологического видения — идеологию исследования. (Правда, возникает вопрос: что первично — идеология или социология?) Поле качественных методов — область микроанализа, где исследуется активность субъекта. Микроанализ — удобное “научное поле” для исследования повседневного опыта как с точки зрения культурного дискурса, так и с точки зрения мотиваций. Особое значение на этапе работы с субъектом уделяется языку исследования, который должен максимально широко использовать язык повседневной жизни и приводить цитаты из разговорной речи. К сожалению, такого рода упрощение зачастую превращает научные дискуссии в “обывательские беседы на лавочке”, которые тоже необходимы, но в другом месте и в другое время. Вот что об этом говорит П. Бергер: “Упрек в том, что многие социологи пишут свои труды на варварском наречии, также можно принять с некоторыми оговорками. Всякая научная дисциплина должна разрабатывать свою терминологию. Между тем особая терминология для социальных наук, быть может, даже более важна, поскольку их предмет знаком всем и слова для его описания уже существуют. Именно потому, что мы хорошо знаем социальные институты, которые нас окружают, наши представления о них в обыденном сознании весьма нечетки и часто ошибочны”⁸. Научная дисциплина в рамках любого метода в обязательном порядке должна разрабатывать свою терминологию. Особенно это касается социологии семьи, поскольку объект этой науки и “язык семьи”

⁸ Бергер П. Приглашение в социологию. М., 2003. С. 21.

знакомы всем. В обыденном сознании создается ошибочное представление о “самособойразумеющихся” явлениях, происходящих в рамках института семьи.

Таким образом, первичная поляризация происходит по разделительной линии общество—индивид, в дальнейшем это проявляется в методике эмпирических исследований как поляризация качественных и количественных методов. Как вывод напрашивается утверждение, что прерогативой количественных исследований является макроуровень, а качественные исследования проводятся на уровне исключительно межличностных интеракций. Думается, что ценность качественной методики заключается в том, что она обогащает возможности социологического исследования макропроцессов и функционирования общественных институтов.

Сторонники качественных методов утверждают, что гипотезы всегда возглавляют количественные исследования. Хотелось бы сказать, что так бывает не всегда. Например, при проведении фамилистического исследования изобразительного искусства методом контент-анализа изначально определялась лишь парадигма, в рамках которой будет проводиться данное исследование. Основные гипотетические предположения появлялись в результате работы над материалом.

Следующее утверждение, касающееся исследований, базирующихся на количественных методах, тоже далеко не так однозначно и связано с доминированием чисел в логике рассуждений. Однако представленные данные не всегда существуют в виде шкальных показателей или статистических данных. В исследовании ценности семьи, которое проводилось на материалах отечественной прозы разных исторических периодов, оценочные суждения героев не только статистически фиксировались, но и подвергались качественному анализу. Цифры, измерение, подсчет — это был лишь один из этапов данного метода. В зависимости от поставленных задач в рамках метода можно использовать его качественную составляющую, связанную с описательными характеристиками объекта. В качестве примера можно предложить исследования достаточно абстрактных (в смысле их количественных характеристик) понятий: “имидж семьи”, “образ детства”, “ценность брака”. Все эти категории требовали их постепенного сведения к единицам счета и единицам анализа (например, длительность брака, количество детей, число конфликтных семей) для дальнейшей статистической обработки. Параллельно анализировался социальный и эмоциональный контекст, в рамках которого фиксировались эти единицы. Следует обратить внимание на то, что эмпирическим материалом являлись произведения литературы (как проза, так и поэзия), живопись.

При сопоставлении метода контент-анализа и предлагаемого качественного метода может сложиться впечатление, что в контент-анализе просто убрали сугубо статистическую составляющую и расширили границы качественной. Дело в том, что при работе указанным методом очень часто качественная сторона контент-анализа незаслуженно игнорируется, а акцент делается в основном на цифровых характеристиках.

Сравнивая последовательность исследовательских действий, “сторонники нарратива” характеризуют исследование как движение от непосредственно наблюдаемых данных к обобщенным представлениям с целью создания новых компактных форм, удобных для анализа. Логика работы развивается сначала как линейная, а затем как спиралевидная с постоянным возвратом к исходным данным.

При исследовании литературных источников методом контент-анализа применялась очень похожая тактика с той лишь разницей, что тема анализа предшествовала текстовой совокупности. Массовую совокупность текстов объединила *семейная* тематика. Затем от “эмпирического хаоса” был сделан шаг к выявлению ценностных категорий, в состав которых входили дальнейшие аналитические единицы. Была создана схематическая матрица, которая налагалась на определенный текст с постоянным возвратом к ценностям, которые изначально были характерными для определенного этапа развития института семьи. Художественный и научный тексты были авторскими, что удовлетворяло еще одному требованию, а именно тому, что анализ совмещал две точки зрения: того, кто написал литературное произведение, и того, кто его анализировал. Возвращаясь к причинам использования качественного метода (неопределенность проблемы), можно сказать, что и в этом случае вопрос изначально звучал достаточно банально: почему раньше в семьях было много детей, а теперь часто их вообще не хотят иметь?

Практически идентичны этапы научной работы в рамках различных методов. “Качественники”, и тем более приверженцы статистических процедур не могут позволить себе полностью отказаться от программных составляющих, таких, как интерпретация, кодировка и категоризация. Этапы интерпретации и операционализации понятий были необходимы для работы над совершенно “не количественной” проблемой ценности семьи. Многие правила построения исследования, проведенного качественным методом, или дублируют, или являются свободным изложением тех принципов, которые составляют основу количественных методов. Отсутствие стандартизированных рамок, безусловно, дает большие творческие возможности как в проведении, так и в интерпретации результатов работы. Однако такая свобода при отсутствии должной ответственности может превратиться в халатность.

В данном случае вопрос об ответственности ученого не является праздным. Живое общение социолога с членами семьи в момент обсуждения семейной биографии или значимых жизненных этапов в жизни супругов втягивает участников в межличностную систему доверительных партнерских отношений “на равных”. На этапе интервьюирования ответственность за психоаналитические сеансы возрастает еще больше. Неважно, кем предстает в данном случае социолог — сторонним наблюдателем или активным слушателем. Важно, что опрашиваемый человек “выворачивается наизнанку” и доверяет свои самые сокровенные мысли, учитывая, что этот определенный акт самоанализа, может быть, совершается впервые. Ученый должен очень тонко чувствовать ту грань, за которой “научный цинизм” и желание познать могут перейти в обыкновенное “потребление—пользование” жизненной информацией.

Выше было отмечено, что многие социологи предпочитают изучать семью при помощи качественных стратегий, которые ориентированы не на выявление общих закономерностей, а прежде всего на обнаружение отклонений, специфику проявления феноменов в определенных ситуациях. Например, как происходит передача семейной культуры в экстремальной ситуации, как проблема умолчания о семейных секретах влияет на становление следующего поколения.

Указанные случаи — это изучение функционирования определенных семейных норм и процесса социализации в различные периоды общественного развития. Основной вопрос здесь — “как происходит изменение”. Социологию семьи не могут не интересовать ответы на вопросы “что есть семейные нормы и что есть социализация на определенных этапах развития общества”. В данном случае совершенно очевиден институциональный подход в осмыслении этих проблем.

Интересно, что при рассмотрении различных социальных проблем постоянно эксплуатируется образ семьи. Мобильность, карьера, девиантность, становление личности — тот небольшой круг вопросов, который решают, используя в качестве исследовательского материала семью. При этом сама семья оказывается в роли спутника, который в числе прочих вращается вокруг центра вселенной по имени Эго. С нашей точки зрения, все происходит наоборот: центром является *семья*, а все остальное должно работать на нее, именно поэтому семья является центральным объектом анализа многих наук. Социологию не интересует личность сама по себе. Ей интересна личность взаимодействующая, личность с определенной структурой ценностей и потребностей. Все это в полной мере проявляется лишь в семье. На примере отдельно взятого индивида невозможно изучить миграцию населения, а на примере

семьи — можно. Поведением отдельного человека нельзя объяснить причины девиантного поведения молодежи или причины, по которым этот отдельно взятый человек не хочет иметь детей. Семейное же поведение во многом дает ответы на подобные вопросы. Весь человеческий и культурный опыт индивид изначально осваивает в семье, функционирование которой определяет развитие общества.

Обобщая сказанное, можно отметить, что процедуры использования количественного и качественного методов не являются диаметрально противоположными. Логика действий в случае контент-анализа не всегда предопределена. Фиксированный категориальный аппарат (в зависимости от эмпирического текста) необязательно предшествует самому исследованию. Гипотезы в некоторых количественных исследованиях, так же как и в качественных, иногда формируются в ходе работы.

Более того, в связи с тем что при рассмотрении проблем семейных структур и функций, ролевых и межличностных интеракций, при анализе жизненного цикла семьи и семейного поведения количественная сторона в социологии семьи оказалась наиболее разработанной, возникла необходимость в применении феноменологического подхода. Она была вызвана разнообразием человеческих судеб и биографий, которые включали в себя целый мир человеческих мнений, фантазий, мифов и предрассудков. Статистика фиксировала, но не всегда давала возможность адекватно объяснить столь быстрые семейные изменения. С этой точки зрения смысловая значимость качественных показателей очевидна.

Ценность качественной методики в данном случае заключается в том, что, работая в рамках микросоциологии семьи, семьи как малой социальной группы, социолог-фамилист имеет возможность понять жизненные траектории отдельных семей, из которых складываются макропроцессы семьи как института. Качественные исследования ориентированы не на поиск причин поведения, а на самоощущения и мнения людей. Данная методика позволяет изучать взаимоотношение поколений в качестве канала передачи социального опыта, типы семейных культур, а также модели, семейные роли, семью как агента социализации и проблемы семейной памяти.

Материалом качественного анализа может быть информация культурологического характера: литература (проза и поэзия), произведения живописи, СМИ (пресса и телевидение), фольклор.

Среди тактик качественного исследования, используемых в фамилистике, можно выделить следующие: кейс-стади, этнографическое исследование, история жизни, феноменологическое исследование, “восхождение к теории” (“grounded theory”), устная история семьи.

Из культурной антропологии в социологию пришла тактика *этнографического исследования*, цель которого состоит в получении нового знания о культурных образцах, нормах и символах не только национального, а любого социального сообщества. Анализ проводится на материалах устной народной культуры. Источником информации являются фольклорные тексты — анекдоты, частушки, пословицы и поговорки. Имея индивидуальную схему интерпретаций русской языковой символики, нужно как бы “со стороны” проанализировать российский фольклор, а также то, каким образом национальная устная речь создает портретные символы семейной жизни.

Качественный *анализ материалов СМИ*, в частности прессы и рекламы на телевидении, позволяет определить образ семьи, который навязывается зрителю или читателю.

Задача качественного *анализа литературных источников* (художественной прозы, объединенной семейной тематикой) заключается в сравнительном исследовании социальной ценности семьи.

К изучению индивидуального пути и жизненного опыта на разных стадиях относится биографический метод или *история жизни*. Эта тактика использовалась также при изучении репродуктивных установок женщин, находящихся на разных этапах профессионального и личного пути. Тактика интерпретаций историй жизни близка к феноменологическим исследованиям. Феноменология занимается принципиальным анализом смысла и методов понимания. Объектом могут быть различные социальные факты, события, мнения, результаты житейского опыта, т.е. феномены. В рамках социологии семьи задача данной тактики заключается в расшифровке обыденных значений или интерпретаций членами семьи их семейного поведения, установление общежитейских объяснений стереотипных семейных ситуаций. Социологические исследования проблем брачно-семейного поведения в условиях кризиса семьи и трансформации семейных ценностей раскрывают кардинальное изменение всей символики семейного образа. Особенно это касается образа детства, в котором четко угадываются черты будущего однодетного и бессемейного мира.

Следующая тактика, используемая в исследованиях исторической ретроспективы семьи на протяжении поколений, носит название *история семьи*. В этом случае анализируется социальная мобильность семьи, «преемственность или изменение ее социального статуса, передача “культурного капитала” семьи и трансформации ценностей».

Последняя в числе указанных тактик — это “восхождение к теории” или “grounded theory”. В ходе работы с произведениями советского периода была зафиксирована часто повторяющаяся ситуация

неполноты жизненного цикла семьи и появления на этом фоне нового социального феномена “мать-одиночка”. Отталкиваясь от реальной практики проявления этой ситуации, поднимаясь к более абстрактным категориям, можно сделать вывод о деформированной социализации в неполных семьях. Неустойчивость социальных связей и брачно-семейных отношений создала возможность замещения, а точнее сказать, смещения в ролевой структуре семьи.

Различение макро- и микрообъектов при социологическом изучении семьи облегчает применение качественного подхода и, привлекая внимание к символике семейственности, вскрывает типичные интерпретации семейных событий, проникающие из повседневности в научные объяснения и в обоснования тех или иных методов исследования. Если предметом анализа становятся частные семейные интеракции, то можно проследить, как изменяются макросоциологические нормы поведения. В то же время статистические показатели институциональных процессов находят объяснение лишь в сопоставлении с феноменами установок и мотивов семьи, семейного Мы.

Таким образом, очевидными становятся следующие моменты: возможности количественных методов значительно шире, чем кажется; граница между количественными и качественными исследованиями чрезвычайно тонкая. Вероятнее всего, разница между ними в большей степени теоретическая, чем практическая. В реальных исследованиях “слабые места” одного метода должны компенсироваться и дополняться преимуществами другого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бергер П.* Приглашение в социологию. М., 2005.
- Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Социология: В 3 т. Т. 1: Методология и история. М., 2000.
- Личностно-ориентированная социология. М., 2004.
- Русский эрос или философия любви в России. М., 1991.
- Социология семьи: Учебник / Под ред. А.И. Антонова. М., 2007.
- THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., 1993.